

Пьер-Шарль Левек

КИРГИЗ-КАЙСАКИ

В 2016 году петербургское издательство «Дмитрий Буланин» опубликовало перевод труда выдающегося французского исследователя истории России Пьера-Шарля Левека (1736–1812) «История народов, подвластных России» (Левек П.-Ш. История народов, подвластных России: экспериментальный пер. с фр. канд. филол. наук Л. Ф. Сахибгареевой под ред. канд. ист. наук И. В. Кучумова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2016. 480 с.). В Европе это сочинение, описывающее быт и культуру населения Евразии, при жизни автора переиздавалось неоднократно. Последнее его издание, вышедшее в Париже в 1812 году, было снабжено краткими пояснениями географа Конрада Мальт-Брюна (1755–1826). Мы предлагаем нашим читателем фрагмент этой работы, посвященный казахам (которых в то время называли киргиз-кайсаками или киргизцами). Перевод с французского кандидата филологических наук Лилии Сахибгареевой, в квадратных скобках даны примечания научного редактора, кандидата исторических наук Игоря Кучумова.

ОБ ИХ ВНЕШНОСТИ И ХАРАКТЕРЕ

Киргизцы называют сами себя сара-кайсаками, то есть степными казаками. Они, по силе некоторых собственных их преданий, в малом числе вышли из Крыма, значит настоящие по природе ногайцы, и вскоре умножились за счёт беглецов из различных орд. Но Абулгази [1], называющий их кергисами, возводит происхождение оных к берегам Икрана [2], неподалёку от Китайской стены. Самые древние бытия сего народа тем больше сомнительны, что до завоевания Сибири российским оружием и об имени его не слышно было.

Он делится на три орды. Большая орда кочует в степях, орошаемых Сырдарьёй, около Туркестана; Средняя и Малая орды более многочисленны и зажиточны, разбросаны от побережья озера Кургальджин, берегов Нуры и Сураса до Аральского озера и Каспийского моря [3].

Последние две орды являются вассалами России и всегда оставляют в заложниках в Оренбурге по несколько сыновей своих князей или молодых вельмож, но, невзирая на все договоры, клятвы и заложников, следует сей суровый и необузданный народ при всяком случае склонности своей к хищению с российской земли людей и скота, а в своих степях – разорения караванов, идущих в Россию.

Во время завоевания Сибири они кочевали в степях вдоль Енисея от его истока, около его притока Абакана и берегов Июса, который, соединившись с Урупом, называется Чулымом.

В 1606 году сделались они российскими подданными. С того времени довольно они ославились своим непостоянством, возмущением, покорением, союзами, порабощением сообщившихся народов, жестокостью, грабежами, вероломством и всем тем, что только беспутное от дикого и необузданного степного народа может быть сделано; сея зло, они не имеют его в сердце.

С другой стороны, они человечны, щедры, склонны к сопереживанию, живут вместе как братья. Они не презирают себя за бедность и на равных общаются с зажиточными, богатые же не гнушаются общению с убогими. Богатство у них сведено до своей исконной сути: сие есть для них наслаждение, не дающее права унижать и гнобить бедняка.

У киргизцев вид милый и свободный. Глаза у них маленькие, но живые, и не грозны: в их взгляде можно заметить рассудительность, ум и даже остроумие [4]. Они склонны к приключениям, но ещё больше любят свои удовольствия; воров по сути, они сластолюбцы по характеру, кровожадны, но не стремятся к кровопролитию. Грабительства их, также жестокость и несправедливости можно почесть паче следствиями сурового и необузданного их рода жизни, нелепого стремления к мщению и ложных понятий о чести и смелости. Но откуда же у них, невежественных, взяться более справедливым представлениям, ежели даже у просвещённых наций разбой приравнён к геройству? Отмечают, что с распространением торговли с Россией они нарочито и во нравах своих исправляются.

Школ у них нет, и хотя поэтому редко кто на своём языке писать умеет, однакож язык их чист. Они живут в невежестве, кое вознаграждено тем, что у них нет ни одной из тех ложных истин, которые учителя внушают публике, и им не знакомы те заблуждения, которые учёными людьми возводятся в принцип. Образованные татары, которых они похищают во время своих набегов, становятся секретарями их князей.

ОБ ИХ БОГАТСТВАХ И ПРОМЫСЛАХ

Все вообще киргизцы кочуют и живут только в шатрах, построенных по подобию калмыцких. Их богатства, источники их существования состоят в их стадах. И у самого простого, но доброго скотоводца редко бывает меньше тридцати-пятидесяти лошадей, вполтину против того рогатого скота, ста овец, пары верблюдов и от двадцати до пятидесяти коз. В Средней же особливо орде, самой богатой из всех, есть, как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до десяти тысяч лошадей, до трёхсот верблюдов, от трёх до четырёх тысяч рогатого скота, около двадцати тысяч овец и больше тысячи коз. Имеющие тысяч по пяти лошадей и по соответствующему числу другого скота люди есть и в Малой орде.

Они держат верблюдов как тех, кои об одном, так и таких, которые об двух горбах, потому что первые долее сносят жажду и для того к дальним путешествиям преимущественно способны; последние, напротив того, изобильнее шерстью, от них получают её до десяти фунтов с головы. В близких поездках они несут на себе до тысячи, а в длительных свыше пятисот фунтов груза.

Рогатым скотом завелись они ещё недавно. Они похищали себе на развод оной у калмыков стадами и не мешали его размножению. По примеру калмыков употребляют они его, кроме обыкновенного заимствования от него разных выгод, к верховой езде и прокалывают ему на такой конец в носу хрящ.

У овец их, как и у калмыцких, хвосты широкие. Для овечьих заводов степи их весьма привольны, и потому они, не только невзирая на то что много бьют, не уменьшаются, но и самые овцы бывают чрезвычайно велики. У них есть овцы вышиной с осла, у которых облившиеся жиром хвосты бывают весом более тридцати фунтов. Баранина служит ежедневной и нередко через долгое время единственной пищей киргизцам. Их овцы зимой ищут себе пропитание под снегом, худеют в это время года, но с возвращением весны к ним возвращается упитанность. Они поедают даже жирную и пропитанную солью землю, что вызывает у них аппетит и придаёт их мясу изысканный вкус. Часто в их желудках образуются безоары, то есть свалаявшиеся комки шерсти с травой, но это для них не смертельно. Ягнята так вкусны, что ежегодно посылаются некоторое число оных в Санкт-Петербург для придворного стола.

Шкуры киргизских ягнят всех прочих, кроме бухарских, славнее, больше расходятся и почитаются первым товаром. Дабы придать им больше волнистости, обшивают они ягнёнков, как только родятся, холстом, а как холст от их роста лопнет, так сразу и забивают. От самых лучших такой же лоск, как и от бухарских, и они волнисты; простые же мелкокурчаты, а на худших волос прямее.

Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то киргизец почитает сие благодатью и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель по причине скотского падежа, расхищения или по иным каким несчастьям лишится своих стад, то наделённые им прежде приятели дают ему толикое же число или ещё и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось.

В сравнении с другими кочевыми народами наших стран живут киргизцы очень хорошо. При необузданной своей вольности, и видя совершенную удобность нажать и себе нужное для достаточного пропитания множество скота, не хочет никто из них быть у другого рабом или слугой, но желает, чтобы всяк поступал с ним так, как со своим братом, почему богатые люди никак не могут обойтись без невольников. Это невольничество нимало не тягостно, потому что господа обходятся с невольниками своими как будто бы с родственниками, содержат их той же пищей и снабдевают всякими надобностями. Покушение спастись от неволи побегом и согласия с жёнами подвергают пленников, да и самых жён, строгостям, от которых иные и умирают.

У киргизцев нет никакого представления о возделывании земли, и бесплодная и солёная почва их степей не поддаётся обработке. Они ко всякой работе так непривычны, что и от самого малого труда почти обливаются потом и тотчас устают. Примером тому служит и следующее. Один из их ханов, последуя российским сельским хозяевам, захотел, чтобы накошено было несколько сена для хворого скота, и достал себе на такой конец небольшие, в один только аршин длиной, российские косы. Но киргизцы его не только или заносили их выше травы, или задевали землю, но и после всякой замашки причём нередко и сами опрокидывались, долго отдыхали, а напоследок и вовсе бросили косы, так что хан принуждён был для дела сего нанять казаков. Ошибочно полагать, что дикие или варварские народы сильнее остальных; на самом деле их руки уступают в силе многим нашим ремесленникам, а тела не столь выносливы, как у наших носильщиков. Они сильны, ловки и проворны только в своих привычных упражнениях, поэтому у киргизцев, имеющих дело только с конями, руки и не могут быть столь крепкими.

Есть между ими и кузнецы, но не искусные, и потому все железные изделия по большей части покупают у русских. Некоторые умеют делать порох.

Из верблюжьей шерсти они ткут камлот и делают верёвки. Сверх того они доят этих скотов для кумыса и сыра, а иногда и для масла, которое тучнее коровьего и не столько жидко бывает, как из кобыльего молока делаемое.

Всё, что надобно киргизцам для удовлетворения суетности и для житейских выгод, получают они через торги с Россией, Бухарией, Хивой и другими соседственными областями. Всякая торговля производится обменом, причём овцы служат как бы нашими ливрами. Ежели они покупают кусок ткани, то оценивают её в некоторое число овец, а ежели дают в обмен лошадь, то её стоимость пересчитывают в овцах. В одном Оренбурге продают они в год около ста пятидесяти тысяч овец, а иногда и больше, не считая лошадей, рогатого скота, множества шкур ягнят, диких зверей, кож и шерсти верблюдов, а также камлотов.

ОБ ИХ ЗВЕРИНОЙ ЛОВЛЕ. ОБ ИХ ДИКИХ ОВЦАХ

Киргизцы упражняются в звериной и рыбной ловле только для забавы. Хотя они умеют пользоваться ружьями, ещё не отказались пока от лука и стрел, и это оружие в руках умелого охотника может быть не хуже наших огнестрельных средств. Кроме разных ловушек, силков и прочего, гоняются они за зверями на лошадях верхом, причём употребляют гончих своих собак и беркутов. Это упражнение, являющееся для них простым развлечением, одновременно приносит им великую пользу [5]. Они ловят простых и степных лис, барсуков, горностаев, сусликов, а также серну, шакалов, зверей с пятнистыми шкурами и тех, кого называют дикими овцами.

Гмелин-племянник [6] видел их в Мазендеране и назвал восточными овцами. Не сайгаков ли он имел в виду?

Их стада пасутся на самых высоких горах среди различных видов коз. Ежели исходить из формы рогов и туловища, то их можно отнести к овцам, но по другим признакам они тяготеют к оленям и козам. Рога самца сплющены, полые и состоят из сужающихся в острый конец колец. Задняя часть его головы вытянута, уши прямые и недвижимые, в верхней части толстой и короткой шеи растёт шерсть, совершенно похожая на оленью. На подбородке, как и у козлов, имеется борода из длинной жёсткой и всегда чёрной или белёсой шерсти.

Эти звери, ещё не утратив характерную для овец робость, насмерть бьются между собой. Два бойца склоняют головы, сближаются и начинают сражение, нередко заканчивающееся смертью более слабого. Земля в местах их боев усеяна обломками их оружия. Они обитают в высокогорье, боятся людей и не дают себя приручить. Утратив свободу, они в считанные недели погибают. Их брачный период начинается в сентябре, длится месяц, а в феврале появляются детёныши.

Их горы покрыты душистыми травами, но полагают, что они любят лакомиться древесным мхом. Они никогда не бывают столь упитанными, как домашние овцы; их шерсть почти за ничто почитается, но мясо вкусом очень приятно.

Эта восточная овца, описанная молодым Гmeliным, может быть, и есть та самая аргали, о которой поведал его дядя, И. Г. Гмелин; она встречается, говорит он, в Калмыкии и на всех высокогорьях вплоть до самой Камчатки. В верховьях Иртыша её называют дикой овцой. Она достигает высоты лани и похожа головой,

шеей, ногами, коротким хвостом и своей живостью на оленя, но, возможно, более дикая и выносливая.

Рога у неё начинаются над самыми глазами вблизи ушей, идут назад, затем, описав круг, возвращаются и, поднявшись вверх, выступают вперёд своими концами. От корней до половины своей длины они состоят из складок, а затем сглаживаются. Рога растут в течение всей жизни зверя, и та часть черепа, откуда они произрастают, утолщена. Серые и желтоватые в молодости, эти звери темнеют и чернеют по мере своего старения; они достигают до четырёх футов в длину и весят свыше тридцати фунтов. Часто в пустынях находят экземпляры, между рогов которых может поместиться лиса. Именно в рогах заключается вся сила этого зверя, и нередко самцы утрачивают их в боях друг с другом.

Уши у них прямые, острые и средней ширины. Копыто с разрезом, задние ноги выше передних. У сего скота есть подгрудок, шерсть серо-коричневая, а вдоль спины тянется жёлтая полоса.

Внутренние части схожи с другими жвачными скотами: их желудок состоит из четырёх отдельных полостей. Желчный пузырь большой. Мясо и жир приятны на вкус.

Аргали, описанный И. Г. Гmeliным, был трёх лет от роду, трёх футов высотой и три фута шесть дюймов от рогов до хвоста. Чтобы его удержать, потребовалось десять мужчин.

Самки у него поменьше: у них есть рога, но маленькие, тонкие, почти прямые, не складчатые и похожи на рога наших козлов.

Аргали питается травой. Течка у него начинается осенью, а роды случаются весной; в приплоде бывает по одному-два малыша. Этот зверь схож с оленем, овцой и серной, но одновременно и отличается от них; так природа потешается над всеми попытками живых существ стать похожими на кого-то одного.

Восточная овца Гmeliна-племянника по-персидски называется кочкуй, а по-турецки дахкуб. Монголы нарекают дикую овцу И. Г. Гmeliна аргали. Он полагает, что это мусмон античных авторов [7]. Описания дяди и племянника отличаются только тем, что первый не приписывает аргали наличие бороды [8].

ОБ ИХ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ И ОДЕЯНИИ

Самая общая их зимняя ества баранина, однако они едят и другое мясо и даже верблюжати́ну. Самой распространённой их приправой является аппетит: четверо их, возвратясь со звериной ловли, уберут за одним приёмом иногда и целую овцу или барана. До жиру они, как и все кочевые азиатские народы, и в том числе даже оттоманские турки, такие охотники, что часто сало и масло голое из горсти едят. Но этот народ, прожорливый в течение полугода, становится умеренным с наступлением весны, живя одним лишь сыром или сквашенным молоком. Поелику муку и крупу могут они получать только из России, то многим едва удаётся и на всём веку хлеб и кашу видеть.

Всех, как то друзей, знакомцев, земляков и чужеземцев, они приглашают разделить с ними угощение. В общении они неучтивы, но щедры, и ставят перед гостями самое лучшее, что у кого случится. Их самая большая вежливость состоит в том, чтобы втиснуть еству гостям в рот пальцами; сие делается и над знатными у них людьми.

Они страстные охотники до табака, который курят и нюхают. Они употребляют маленькие китайские трубки, но по причине дороговизны оных большая половина киргизцев курит табак из пустых бараньих костей. Одной трубки бывает достаточно для многочисленной компании; она переходит из рук в руки. Дым они вдыхают с такой силой, что он выходит через ноздри. Но и сего ещё страннее общественное их курение, употребительное в таком случае, когда есть недостаток в трубках или курительных костях. Дабы землю скрепить и ко вжиманию сделать способной, то испускает кто-нибудь на удобное к лежанию место мочу и делает потом рукояткой своей плети в промоченной земле курительную ямку желаемой величины, после чего набивает оную табаком. Когда хотят курить, то кладут на табак горящий трут, и все охотники протыкают сквозь землю наискось пустые травяные сухие стебельки так, чтобы коснулись внизу табаку и чтобы можно было, не мешая другим, лёжа на брюхе, дым всасывать. При сём способе курения объята бывает вся табашная братия приятным ей табашным дымом, и не только скорее, но и вдруг становятся все вообще соучастники курения пьяны.

Сии столь простоватые пастухи и омерзительные курильщики любят пышность в своих одеяниях. Рубахи редко кто из них носит, а вместо оных служит долгий тонкий нательник. Подобное сему нижнее платье из какой ни есть или и из шёлковой материи, а у верхнего платья рукава делаются широкие, книзу суженные. Пояс заменяет у многих сабельная португепя, и у иного привешены к оной табашный прибор, огниво и нож. Штаны у них широкие и длинные, как у всех восточных народов; у полусапог их каблуки долгие острые, почти как туфли наших женщин, носки острые же. Богатые шов нередко строчат и золотом.

Они отпускают усы и пучок бороды на подбородке, голову бреют и покрывают стёганой скуфейкой, а поверх её надевают шапку подобную кеглю; вершина шапки украшается по большей части кистью, бока делаются с ушками, которые загибаются и придают ей вид корабля. Зажиточные люди платье шьют себе из китайки, сукна, особливо красного, или из дорогих тканей. Хотя в их степях зимы мягкие, мужчины из-за важности всегда накутывают на себя много одёжи, почему и в таком случае, когда спотыкнётся под ним лошадь, редко приключается беда.

Летом они обыкновенно носят одеяние из козлиных шкур, кои искусно обрабатывают, умягчают и окрашивают в желтовато-коричневый цвет. Когда собираются на звериную ловлю или в поездку, то надевают большие до самых рук достающие долгие штаны, в которые забирают верхнее и нижнее платье.

Лошадьми своими хвастают они почти столько же, как и самими собой. Они украшают наилучших из них великолепными сёдлами, отделанными золотом и серебром искуснейшей работы, богатыми покрывками и уздами, изобилующими орнаментом.

Знатные дамы обвёртывают голову разными материями, похоже на турецкую высокую чалму; они носят платье шёлковое, отчасти из дорогих материй и штофов, да притом окладывают его нередко шнурками и золотыми позументами или опушают выдрой.

Простолюдинки по будням покрывают голову фатой, в праздничные же дни надевают покрытые корольками и распещрённые кисточками чепцы, к которым прикреплены столь же украшенные и спускающиеся на спину и плечи ленты. Девки заплетают волосы во многие маленькие косы.

ОБ ИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ. ОБ ИХ ГРАБИТЕЛЬСТВАХ

Дворянство их многолюдно: нижний род одного называют они ходжами, а средний бю, высший же состоит из салтанов, коих мы называем султанами. Ходжи их есть честной природы люди; бю же должны иметь богатырей, а салтаны или князьки начальников народа своими предками. Поелику женщин они покупают, то и в родословии совсем их не числят.

Не только колена, но и самые роды избирают себе старшин из знатнейших и самых богатых дворян. Начальникам их нет ни малейшего жалованья, да и повиновения им тоже мало.

Хан повелевает всей нацией или скорее просто почитается за суверена, не обладая его могуществом. Ему воздают почести как священной особе: его встречают, пав пред ним ниц, после чего треплет хан легонько рукой или только плетью по плечу, и сие почитается как будто благословением; ханских дам удаётся видеть только при перемене стана, ибо они в таком случае едут верхом в наилучшем своём убранстве на хороших лошадях или верблюдах и внушают почтение блеском своих нарядов. Но часто он не довольно богат, и немалое число его более зажиточны; видимо, почитая его, повинуются они ему плохо или скорее вообще не повинуются, ежели его приказания не кажутся им полезными. Ни один воин не последовал бы за ним, ежели его военные планы не поддерживаются народом.

У киргизцев есть свои судьи в улусах. Законы их утверждаются частью на Алкоране, а частью на старинном обыкновении, в особых же случаях на естественной справедливости.

Кто убьёт мужа, тот подвергается гонению его родственников на два года, в течение которых могут они его убить, не навлекая на себя чрез то наказания. Ежели же он жизнь свою между тем сбережёт, то должен дать родственникам убиенного сто лошадей, одного невольника и двух верблюдов.

За убиение жены, ребёнка или невольника, так, как и за осквернение женщины, за которым последуют безвременно роды, полагается наказание вполовину против вышеописанного.

Изуродование человека почитается вполовину против лишения жизни. Большой палец стоит сто, малый двадцать овец. Кто в гневе соперника своего хватит за бороду, тот по произволению судей истязается крайне строго: это самое страшное из оскорблений, намёк на то, что потерпевший не достоин права называться мужчиной. Народы, сохранившие связь с природой, ценят свои бороды и требуют к ним уважения.

За похищение какой ни есть вещи взыскивают в девять крат больше. Никому не дозволяется за самого себя присягать, и ежели брат или приятель сделать того не пожелает или не может, то тот, на кого вступила жалоба, обвиняется.

Похищения людей, скота и товаров хотя между ними и запрещены, однакож они не токмо не стыдятся грабить, но и хвастаются ещё между собой такими удалствами не иначе, как будто храбрыми подвигами. Иногда они соединяются в шайки, кои нередко имеют и знатных предводителей, и идут грабить караваны. По случаю небольших грабежей остаётся всяк при том, что кому захватить удастся, а продают только невольников-мужчин и скот. Иногда лишь один киргизец отправляется за добычей. Кажется, ими движет дух странствующих всадников, которые служат разбою, а не защите справедливости.

Ежели кто ни есть из иностранцев подружится со знатным или по одному только богатству почитаемым киргизцем, то он, сообщась с ним, пользуется в ордах гораздо большей безопасностью, нежели когда бы имел при себе и воинскую стражу, коя никак против больших шаек устоять бы не могла. Грабители тотчас отстают от своего намерения, как скоро киргизец уверит их, что иностранец его приятель.

Дерзко храбрые, они плохие воины. Во время положенной обще на мере [9] и народом подтверждённой войны собираются все к ратованию способные люди в определённое место с двумя или больше лошадьми и оружием. Толпы сии соединяются и вступают в поход под предводительством избранных военачальников. Поелику всяк сам себя содержит, то войско их не имеет надобности ни в казне, ни в житницах.

Никогда они не оказывают сопротивления сильному противнику. Из луков стреляют они очень худо. Огнестрельные их оружия без курков, почему и палят они из них ещё и ныне по старинному обыкновению, поджигая порох фитилём. Они не могут и прямо из рук палить, но сходят с лошади, ложатся наземь и ставят ружейный ствол на приделанные к нему рожны. Ежели они в предприятии своём не успеют, или к тому ещё и поражение претерпят, то всяк спешит ближайшей дорогой в свой улус. При всем том одерживают они обыкновенно победу над такими неприятелями, которые не мудрёнее их в воинских действиях.

ОБ ИХ ВЕРЕ, ЖЕНИТЬБЕ И ПОХОРОНАХ

Лишь в начале минувшего столетия обратились киргизцы к магометанскому закону. Веру свою они почитают, хотя в ней превеликие невежды. Малое число находящихся у них мулл состоит из полонённых или российских, или других каких татар, умеющих читать и писать. Такие люди очень малое в законе своём оказывают сведение и редко имеют у себя Алкоран или иные какие писания, хотя бы они и по-арабски знали, их вскорости возводят в сан священнослужителей, уважают их познания и одаривают их подарками.

Между ими есть великое множество волшебников, которые суть звездочётцы, толкователи снов, прорицатели и хироманты, причём иные употребляют барабан.

Они изгоняют злых духов, делают жён и стада плодородными, лечат больных, предсказывают будущее и сему подобное. Одни предсказывают по щелям, какие окажутся на брошенных в огонь овечьих лопатках, а иные и по сотрясению пощёлкиваемой тетивы.

Мы видели, что киргизцы покупают своих жён. Когда кто впервые жениться хочет, то даёт за природную киргизскую девку около пятидесяти лошадей, двадцать пять коров, до ста овец и несколько верблюдов. Скудные женихи дают и гораздо меньше, богатые же и в несколько крат больше. Другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платят и того ещё больше, и так далее. Ежели известно станет, что невеста вышла нечестным порядком, то гости убивают на другой день верховую женихову лошадь, разрывают свадебное его платье и ругаются над молодой, а тесть должен наградить молодому весь сей убыток.

Почти все мелкие люди имеют только по одной жене, да и той бы негде было им взять, ежели бы они урывками не похищали женщин у своих соседей. У богачей часто бывает по четыре жены, а иные держат ещё и сверх того и наложниц.

Они наиболее подстерегают калмычек, потому что они, по их сказкам, к удовлетворению похоти наилучшее имеют телосложение и долее всяких других женщин равняются с молодками, почему и знатные киргизцы на них женятся, когда те согласятся принять магометанский закон.

Напротив того, персиянки толико им ненавистны, что выдают их и за своих невольников. Именно поэтому нации, полагающие себя просвещёнными, а на деле всегда являющиеся изнеженными и испорченными, вызывают у варваров отвращение, которое они не испытывают по отношению к самим себе.

Кто имеет не одну, но несколько жён, тот отводит каждой особый шатёр, в коем воспитывает она своих детей как ей заблагорассудится. Бесплодные должны быть у плодородных почти служанками.

Киргизские женщины заботливые, нежные и сочувствующие. Они часто способствуют бегству невольников, подвергаясь опасности быть наказанными за сие проявление человечности, иногда вызванное любовью.

Приключаящиеся же киргизцам наиболее хворости суть короста, лихорадка, кашель. Лечатся они наиболее рожечным [10] кровопусканием, причём употребляют малые рожки [11], и прижиганием больного места чернотыльными клубками [12]. Бывала между ими несколько раз и оспа, но неопустошительная.

На похоронах они смешивают ритуалы магометанства и шаманского язычества. Когда мужчина умрёт, то самое лучшее его платье изрезают в лоскутки и разделяют для памяти по его приятелям. Иные втыкают в могилу копьё, некоторые сваливают на неё его всякую домашнюю рухлядь.

Богатые и знатные люди желают быть преданы погребению у гробов своих святых, или прежних ханов, либо родственников. А когда за отдалением кочевья от таковых мест сделать того не можно, то обрезают они у покойника мясо и хоронят оное вместе с внутренностями вблизи, а кости отвозят в желанное место и погребают их возле святых.

Могилы роют неглубокие, напротив того, многие набрасывают на них груды камней. По знатном покойнике правят они в том году, в котором помер, три поминки. Вдовы и дети при том сетуют, приятели собираются с наивеличайшей пышностью и превозносят похвалу и добрые качества, при этом все вообще угощаются.

Всякий улус правит сверх того ежегодно общие поминки на кладбищах, при сём случае по языческому обряду убивают там лошадей, предлагают мясо их покойникам, а напоследок между разговорами поедают оное и сами. Ежели кто приблизится к могиле своего приятеля, то начинает с ним говорить и кладёт на гроб клочок вырезанных из гривы верховой его лошади волос.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абулгази (Абу-л-Гази Бахадур-хан) (1603–1663) – хивинский хан, историк, писатель, поэт.
2. Т. е. Енисей, по другим версиям – Аргуна или Амуга.
3. Примеч. К. Мальт-Брюна: Киргизцы занимают 30 000 квадратных льё песчаных дюнов, солончаков и безводных холмов; некоторые степи удобны для пастьбы скота. Имеются лишь крайне поверхностные представления о физическом состоянии этого края, известные по донесениям казаков. См. об этом в «Magazin für die neue Historie und Geographie» (см.: Rytschkow N. Tagebuch über seine Reise in die kirgiskaisakische Steppe im Jahr 1771. S. 419–474) А. Ф. Бюшинга (Антон Фридрих Бюшинг (1724–1793) – немецкий богослов, географ и педагог. С 1767 г. издавал в Германии на немецком языке историко-географический журнал «Магазин новой истории и географии», посвящённый населению, внешней и внутренней политике европейских стран. В журнале

публиковались русское законодательство XVIII в., статистические материалы о населении России, её экономике, армии и флоте, сочинения иностранцев о России, труды Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, П. И. Рычкова и др., а также исследования самого Бюшинга по русской истории) или в моём «Précis de la Géographie universelle, ou Description de toutes les parties du monde, sur un plan nouveau, d'après les grandes divisions naturelles du globe; précédée de l'Histoire de la Géographie chez les Peuples anciens et modernes, et d'une Théorie générale de la Géographie Mathématique, Physique et Politique...» (Paris, 1811. Т. 3. P. 310–319).

4. Примеч. К. Мальт-Брюна: У киргизцев лицо татарское, глаза маленькие, нос приплюснутый, но зрачки у них косят не так сильно, как у монголов.
5. Примеч. К. Мальт-Брюна: Они дрессируют для охоты особых орлов, называемых беркутами («золотой орёл», по Палласу [Aquila chrysaetos]). Туловище этой птицы чёрное и блестящее, а голова – золотистого цвета; она обладает острым зрением, видит дичь издалека, падает на неё сверху, вонзает когти в глаза и шею зверя и держит его до прихода зверолова. Хороший беркут чрезвычайно ценится киргизцами и стоит почти ровень с хорошей лошадей. Множество молодых беркутов продаётся на оренбургском рынке. В Оренбургской губернии эта птица очень распространена.
6. Самуил (Самуэль) Георг Готлиб Гмелин (1744–1774) – немецкий путешественник и натуралист на русской службе, академик Императорской Академии наук. Племянник немецкого путешественника И. Г. Гмелина.
7. Древние не оставили нам подробного описания мусмона, иногда называемого мусимонем (мифологическое животное, помесь козы и барана), поэтому мы не можем определить, является ли он восточной овцой одного Гмелина или дикой другого. Мы знаем, что мусмон, так же, как и сайгак, аргали и восточная овца, встречается только в испанских горах, на Сардинии и Корсике (речь идёт о европейском муфлоне – диком баране, обитающем в высокогорьях Корсики и Сардинии, и азиатском, распространённом от Закавказья и южных частей Туркменистана и Таджикистана до Средиземного моря и северо-западной части Индии). Страбон (ок. 64/63 г. до н. э. – ок. 23/24 г. н. э.; греческий историк и географ) ограничился лишь замечанием, что на Сардинии «водятся бараны, покрытые козым волосом вместо шерсти, под названием “мусмоны”» (Страбон. География, V, 7; пер. Г. А. Стратановского). Согласно Плинию (Плиний Старший (между 22 и 24–79 гг. н. э.) – древнеримский писатель, автор «Естественной истории» – крупнейшего энциклопедического сочинения античности), «в Испании, но особенно на Корсике, водится несколько похожее на овцу животное – мусмон, – шерсть которого напоминает больше козлиную, чем овечью», но не добавляет ничего нового к сведениям Страбона. По словам Плиния (Старшего), древние называли скотов, рождённых от мусмона и овец, тенями (umbri): «Будучи скрещены с овцами, муфлону давали потомство, называемое в старину “умбрийским”» (Plin. Nat. Hist., VIII, 75; пер. И. Ю. Шабара). Однако в одной старинной эпиграмме, приводимой патером Гардуэном (Жан Гардуэн (1646–1729) – французский учёный-иезуит, специалист по античной филологии, историк и богослов), сообщается, что другие полагали мусмона мулом, смесью козы и барана: Musimonem sarga ex vervegno semine gignit (Мусимон рождён козой от семени барана).
8. Примеч. К. Мальт-Брюна: По словам Барданеса (Bardanes C. Tagebuch über seine Reisen in der Kirgisischen Steppe mit des Herrn Professor Falks // Falk J. P. Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. S. P., 1785. Bd 1. S. 358–376. Пер. на рус. яз.: Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь по преручению академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России, изданных Академией наук, заключающее статьи к запискам академика Фалька. СПб., 1825. Т. 7. С. 1–27. См. также: Барданес X. 1) Из «журнала» путешествия Христофора Барданеса в Киргизскую степь 1771 года // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы, 2007. Т. 4. С. 80–92; 2) Киргизская, или казацкая, хорография // Там же. С. 93–194. Христофор Барданес – фельдшер, молдавский грек, участник экспедиции в Казахстан, участвовавшего в экспедиции казаков под командованием Н. Рычкова (Рычков Николай Петрович (1746–1784) – русский путешественник. Сын П. И. Рычкова. В 1771 г. участвовал в экспедиции по территории Западного и Северного Казахстана), к диким существам, упомянутым месье Левеком, необходимо добавить такю (дикая лошадь), кулана (дикий осел), хрюкающего быка (як), а также зверя, напоминающего тигра (снежный барс?), и других.
9. Сообща намеченной.
10. Подкожным.
11. Имеются в виду баночки для сбора крови.
12. Речь идёт о применении в медицинской практике полыни обыкновенной. Специальные палочки, сделанные из полыни, поджигали и в тлеющем виде подносили близко к коже. После такого прижигания длительное время сохранялось приятное тепло, исчезали болевые ощущения.

